

Р.А. Ромашов

Ромашов Роман Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, декан юридического факультета

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Национальная правовая культура России: традиции, ценности, техника

1. Национальная правовая культура и национальная идея России: ретроспектива и современность

Очередной переходный период в сложной и противоречивой истории российского государства, в очередной раз поставил на повестку дня вопрос о выработке национальной идеи, которая выступала бы лейтмотивом государственно-правового развития России в обозримой перспективе¹.

«Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма. Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции»².

В выступлении не прозвучало, какая национальная идея нужна российскому государству и обществу, но были отчетливо обозначены направления, по которым двигаться, по крайней мере, в эпоху «путинской России», нельзя. По сути, было заявлено как о невозможности «возврата» к культурно-историческим традициям и ценностям СССР и Российской империи, так и о недопустимости формирования в России системы «общечеловеческих/ультралиберальных» ценностей, положенных в основу западных демократий. Причем одновременно было сказано, что «движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения»³. Возникает логичный вопрос: в каком направлении должна двигаться в своем развитии Российская Федерация, какими ценностными установками и целеполаганиями руководствоваться? Для того, чтобы на этот вопрос постараться ответить, необходимо прежде всего осуществить ретроспективный анализ национальной культурной традиции, формирующейся в России начиная с петровской эпохи и выступающей в качестве единого смыслового контекста государственно-правового развития. Это позволит, с одной стороны, отойти от мифа об общей «толерантной» истории России как единого целостного государства с единым многонациональным, многоконфессиональным народом, а с другой — проследить динамику взаимосвязи социально-культурных и политико-правовых преобразований, определявших поиски и формирование национальной идентичности российского государства в рамках исторических макропериодов. К числу таких макропериодов в новой и новейшей истории России следует отнести хронологические периоды (циклы) имперской (XVIII — начало XX в.), советской (XX в.) и постсоветской (конец XX в. — настоящее время) России.

¹ См.: Ромашов Р.А. Национальная культура как контекст государственно-правового развития России // История государства и права. 2015. № 12. С. 3—9.

² Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». URL: http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html

³ Там же.

Государственное устройство Российской империи было основано на узаконенной иерархии (неравенстве), не только не воспринимаемой в качестве ограничения либо нарушения правового статуса субъектов общественных отношений, но являющейся базовой ценностью государства, «краеугольным камнем» сложившегося порядка имперского общежития.

Император и подданные, русские и инородцы, государственное русское православие и допустимые (недопустимые) религии, домострой в семье — иерархия в буквальном смысле проникала во все сферы государственной, общественной и личной жизни. основополагающими ценностями и «краеугольными камнями» имперской культурно-правовой традиции являлись широко известные «самодержавие, православие, народность».

Октябрьская социалистическая революция 1917 года разрушила традиционный уклад построения и жизни российского государства, кардинальным образом изменила систему ценностных постулатов, составлявших основу миропонимания российского общества. На смену имперской идее иерархии пришел постулат о «всеобщем равенстве», причем, так же, как иерархия в Империи, равенство (точнее «уровниловка») проявлялось практически во всех сферах государственной и общественной жизни советской России.

Были ликвидированы социальные сословия, уравниены в статусах мужчины и женщины, русские и нерусские. Религия, объявленная «опиумом для народа», повсеместно заменялась «единственно верной» государственной идеологией марксизма-ленинизма. Монопольные функции по управлению государством взяла на себя КПСС. По сути своей, «мы получили новую монархию и новую религию и в итоге новый советский народ»¹.

Кризис коммунистической идеологии и социалистической экономики повлек распад СССР и разрушение мировой системы социализма. На постсоветском пространстве возникли новые суверенные государства, идентифицирующие себя в качестве демократических, правовых. К числу таких государств относится, в том числе и Россия (Российская Федерация).

Перестав быть советской и социалистической, утратив ряд окраинных национальных регионов, Россия не стала «русским» государством. Отказавшись от коммунистической идеологии, Россия не превратилась в «Святую Православную Русь». Проведенная «по Чубайсу» в конце XX века приватизация государственной собственности не сделала рядового россиянина свободным собственником, точно так же, как отмена крепостного права во второй половине XIX века не изменила одновременно сознание русских крестьян и не сделала их «свободными землепашцами».

Вплоть до настоящего времени не определен и геополитический статус Российской Федерации. Де-юре Россия равноправный (то есть один из других равных) член межгосударственного сообщества. При этом международный статус Российской Федерации отличается от статуса Азербайджана, Грузии, Эстонии, Украины лишь тем, что наша страна входит в так называемый клуб «атомно-космических» держав, обладающих ядерным оружием и осуществляющих самостоятельные глобальные программы по освоению космоса. Однако де-факто Россия продолжает претендовать на ведущее место в мировой политике. По мнению Р. Льюиса, «Россия может служить мостом между Востоком и Западом ... и претендовать на роль ведущей державы в Евразии»². Если абстрагироваться от «британской комплементарности» процитированного высказывания, можно сделать вывод, что Запад (Европа), по-прежнему, воспринимают Россию как чужеродное явление. Что же касается Востока (точнее Азии), то наше государство никогда не идентифицировало собственной принадлежности к этой культуре. Что получается? На Запад не берут, да и сами говорим, что не хотим жить по западным канонам, а в качестве азиатского государства мы себя изначально не рассматривали. Если Россия ни западное (европейское) государство, ни восточное (азиатское), стало быть, евразийское, причем естественно занимающее лидирующую позицию, что нам Китай и Индия. У «советских/российских собственная гордость...». В общем, логика железная.

2. Юридическая техника взаимодействия национальной правовой системы России и международного права

Постсоветская Россия является государством переходного типа. Безусловно, перестав быть советской социалистической, Российская Федерация, как на высшем государственном, так и на научном уровне, вплоть до настоящего времени не провозгласила четкую, последовательно структурированную, конструктивную модель государственно-правового устройства, сориентированную на достижение видимых перспективных целей и решение конкретных задач. И это вполне закономерно. Разразившийся на фоне краха социалистической системы мироустройства кризис идентичности «был гораздо страшнее, чем нехватка денег. Острота этого кризиса оказалась прямо пропорциональна усилиям ...интеллигенции (впоследствии в массовом порядке пришедшей во властные

¹ Козлихин И.Ю. Размышления по поводу статьи Р.А. Ромашова «Национальная культура как контекст государственно-правового развития России» // История государства и права. 2015. № 12. С. 12.

² Льюис Р. Кросс-культурные коммуникации в современном мире: проблемы теории и практики. СПб., 2013. С. 80—81.

структуры «новой России». — **Р.Р.**) прикончить советскую традицию — единственную, какая у нее была. Этот фанатизм разрушения... оказался не просто наиболее сильным эмоциональным началом, но и стал единственной объединяющей идеей, тем самым сделав невозможным появление любых других творческих идей»¹. Точно так же, как когда-то варвары, разрушив мир Римской империи, оказались в вакууме и стали на своем варварском уровне воссоздавать имперский порядок, так же советские люди, разрушившие советскую систему, столкнулись с тем, что жить иначе, чем по-советски, они попросту не готовы. «Предполагалось что идеалы свободного рынка автоматически породят новую культуру. Но такие наивные представления могли возникнуть только у советских людей, лишенных рыночного опыта»².

Национальная правовая культура современной России представляет собой сложную систему норм, институтов, общественных отношений, в которых, с одной стороны, проявляется стремление государства и общества идентифицировать себя в качестве носителей европейской правовой традиции и страны, ориентированной на общечеловеческие правовые ценности. С другой стороны, в последнее время явно обозначилась тенденция «изоляции» России от западного мира, а значит и от западной культуры, что, в свою очередь, обуславливает все большую степень закрытости российского правового пространства от влияния международного и европейского права.

Изоляционистская политика, основанная на противопоставлении «нашей правдивой» пропаганды «враждебной» контрпропаганде западного мира, имеет своим результатом восприятие России в качестве «не такого, как все» субъекта международных отношений. При этом субъективная оценка такого восприятия со стороны «друзей и врагов России» в плане теоретико-правового анализа не имеет большого значения.

В жизни герой отличается от изгоя не столько совершенными подвигами и преступлениями, сколько отношением к нему со стороны официального истеблишмента, сложившегося как на внутригосударственном, так и на международном уровне и, в конечном счете, устанавливающего «правила игры». Применительно к внутренней и внешней оценке современной государственной политики России складывается примерно такая же ситуация. Российская Федерация, воспринимая собственную внутреннюю и внешнюю политику как правильную, истинную и в полной мере соответствующую нормам и принципам международного права, отвергает критику Евросоюза и США, ставя тем самым себя в «особое» международное положение. Естественно, что такое положение не может не оказывать влияния на восприятие национального права России и на отношение к нему, прежде всего, со стороны международных правозащитных и судебных структур. Как нетрудно догадаться, в первую очередь речь идет о положениях, закрепленных в пункте 4 статьи 15³ и в пункте 3 статьи 46⁴ Конституции России. Декларация на конституционном уровне приверженности российского национального права западным либеральным ценностям предполагает интегрирование права России в систему международного и европейского права, однако тенденция углубления противоречий между Россией и Западом, влекущая усиление межгосударственной конфронтации, приводит к все большей степени автаркизации российского национального права.

Показательно, что в последнее время все более активно высказываются предложения, связанные с необходимостью переосмысления и изложения в новой редакции конституционных положений, устанавливающих приоритет международного права, по отношению к национальному. В своем опубликованном докладе Председатель СК России Александр Бастрыкин предложил исключить из Конституции положение «о безусловном приоритете норм международного права над национальным законодательством», поскольку «указанное положение работает против интересов России». Следовательно, его изъятие из конституционного текста «укрепит независимость Российской Федерации в правовой сфере, вернет ее к лучшим традициям отечественного судопроизводства»⁵. В свою очередь Президент России В.В. Путин, во время встречи с представителями думских фракций в Ялте, в августе 2014 года заявил, что Россия может выйти из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), если тот продолжит принимать решения, которые российские власти считают политизированными⁶. В приведенных выступлениях четко и недвусмысленно выражается стремление государства (в лице его высших представителей) придать собственной национальной правовой системе обособленный, автаркичный характер.

¹ Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М., 2003. С. 38.

² Там же.

³ Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

⁴ Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

⁵ URL: <http://top.rbk.ru/politikus/26/02/2015eefbcf9a79472dbc123b5e>

⁶ Там же.

Международное право при таком отношении воспринимается с точки зрения его соответствия/противоречия национальным интересам России и, таким образом, приобретает характер наднациональной правовой системы, нормы и принципы которой будут восприниматься в качестве юридически значимых только в случаях их соответствия и непротиворечия нормам и принципам национального российского права. В случаях же возникновения коллизий между решениями международных правозащитных организаций и решениями национальных правоохранительных органов предпочтение будет отдаваться последним.

3. Герменевтика как юридико-техническое средство восприятия и оценки национальной правовой культуры России

Утрата национальной правовой культурой России собственной идентичности и продолжающаяся работа по ее определению и официальному оформлению актуализирует проблему толкования права на всех уровнях правовой реальности. Наряду с привычными для русского юридического языка понятиями «толкование» и «интерпретация», фактически тождественными друг другу, в последнее время все более активное применение получает термин «герменевтика». Некоторые авторы идут по достаточно привычному пути и попросту используют герменевтику в качестве дублирующего толкование и интерпретацию. Так, к примеру, глава из учебного пособия по теории государства и права Н.М. Чепурновой и А.В. Серегина¹ называется «Юридическая герменевтика (толкование права)». Складывающаяся ситуация напоминает отношение к названию советской дисциплины и науки «Государственное право», «переименованной», в связи с политическими изменениями в «Конституционное право». Полагаю такой подход не состоятельным. Толкование права представляет собой технико-юридическое средство, используемое для уяснения и разъяснения воли законодателя, воплощенной в нормативном тексте. Таким образом, предметом толкования является не право как явление, система, культура, а конкретный текст на этапах его разработки и применения. Герменевтика так же представляет собой средство юридической техники, но техники гораздо более высокого уровня. Посредством герменевтики толкуется правовая система (правовая культура), как в ретроспективном, так и в современном, и в перспективном ее состояниях.

Герменевтика не подменяет и не заменяет толкования права, точно так же, как философия права не заменяет и не поглощает теорию права. Толкование права, представляя собой инструмент юридической техники, играло, играет и будет играть важнейшую роль в процессе прикладного правотворчества и применения права. При этом толкование основывается на презумпции правомерности и законности как действий законодателя, так и самого нормативного правового текста.

В свою очередь, герменевтика призвана занять достойное место в методологическом и юридико-техническом аппарате философии права, являющейся метатеорией правового бытия и в этом качестве формирующей идеалы и нормы новой, неклассической правовой науки.

Герменевтика характеризуется «отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий... В противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, допускается истинность (или, по крайней мере, допустимость и достоверность. — **Р.Р.**) нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания»². Являясь одним из средств познания права, герменевтика не случайно ассоциируется с искусством, «поскольку и то и другое стремится в чувственной форме изобразить невидимое»³. Посредством герменевтики смысловое значение правовой формы не только адаптируется к требованиям юридической практики, но преобразуется в правовое мировоззрение, столь же разнообразное, сколь разнообразны правовые культуры и правовые ментальности.

Посредством герменевтики право исследуется как многомерная, динамически изменчивая социальная реальность (правовое бытие, правовая жизнь), подчиненная в своем функционировании общей цели: установлению и поддержанию общественного порядка, обеспечивающего сохранение и развитие общества в целом и каждого индивида в частности.

---

¹ Чепурнова Н.М., Серёгин А.В. Теория государства и права: учебное пособие. М., 2007.

² Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 179.

³ Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М., 1986. С. 379.